

?

Мне очень холодно.

Я дрожу, но от этого не становится теплее. Мороз оплетает меня как виноградные лозы, заползает под кожу. Моя плоть, кости, вены — всё превращается в лёд. Даже мысли словно застывают. Они вырываются из головы облачками пара, замерзают, падают и разбиваются.

Холод окружает меня, окутывает, поглощает. Я пытаюсь двигаться, но не могу. Я смотрю вниз с серо-белёсого неба и вижу, что застрял по пояс: руки и ноги закованы в лёд — толстый и пронзительно-белый.

Я кричу:

— Помогите!

Слова возвращаются эхом, звучат искажённо и насмешливо. «Помогите!» — отвечает тот, кто не я. И смеётся.

Более нет никаких звуков. Великан умер; его окровавленное тело лежит в долине, пронзённое тысячами стрел. Принцесса исчезла; её заперли в башне, и никто не слышит, как она плачет. И тепло ушло. Рук, которые когда-то держали меня, больше нет. Ничего не осталось.

Кроме птицы.

Из льда торчит ветка — кривая и скрюченная. На ней сидит птица, наблюдающая за мной. Её перья... нет, они не чёрные, потому что чёрный — это всё же хоть какой-то цвет. У перьев нет цвета. Птица — это дыра во вселенной. А за дырой нет вообще ничего.

Она смотрит на меня сверху вниз. Её глаза, как и перья, того же странного цвета — глубокой пустоты и небытия. Они блестят как два оникса. В них искрится разум. Птица видит мою боль.

— Отпусти меня! — молю я.

Птица отвечает:

— ТВОЁ МЕСТО ЗДЕСЬ. НАВЕКИ. ОТСЮДА НИКТО И НИКОГДА НЕ УХОДИТ.

Как же холодно! Я дрожу. Но виной тому не озноб.

— Я не принадлежу этому месту!

— ПРИНАДЛЕЖИШЬ.

— Я никого не предавал!

— ПРЕДАВАЛ.

— Пожалуйста. Я такого не заслужил.

— ЗАСЛУЖИЛ, — отвечает птица.

Но теперь внизу слышится другой голос. Слабый шёпот — такой тихий, что это даже не звук, а лишь воспоминание о нём. Он эхом отдаётся во мне, и слова сражаются с холодом.

Держись.

— Зачем? — спрашиваю я. — Ведь я пропал. Я совсем один.

— Нет, — отвечает голос. — Я с тобой. Всегда. Я падаю.

ГЛАВА

Я ударился головой об пол.

Некоторое время я лежал ошарашенный, борясь с головокружением. А потом понял, что каким-то образом оказался вверх ногами и что ноги у меня связаны. Я не мог сдвинуться с места. И не мог думать.

Голова! В неё словно чем-то долбили изнутри, и каждый следующий удар грозил расколоть череп.

Живот сводило мучительными спазмами. Не в силах это терпеть я повернулся на бок и попытался очистить желудок. Ничего не вышло. Я только корчился в сухих рвотных позывах. Наконец судороги прекратились, и я уткнулся головой в пол, чувствуя под щекой влажную утоптанную землю. Я закашлялся и с трудом сглотнул.

Горло пересохло; его царапало и жгло. Застонав, я открыл глаза. Надо мной нависали смолистые де-

ревянные балки. Я не сразу сообразил, что смотрю на потолок... Я свалился с кровати и теперь лежал отчасти на полу, отчасти на перине. «Путы», стягивающие мои ноги, оказались перекрученными постельными принадлежностями — прохладной белой льняной простынёй и накинутым поверх неё покрывалом из оленьей шкуры.

Я задёргался, окончательно соскользнул с кровати и шлёпнулся на пол. Пришлось малость полежать, дожидаясь, когда мир перестанет вращаться перед глазами. Я сощурился, хотя света здесь было всего ничего. Исходил он от низкого камина напротив кровати. В камине пылали дерево и торф, наполняя воздух запахом копчёной грязи.

Сама комната была незнакомой и почти пустой: лишь кровать, с которой я упал, хлипкий деревянный стол и стул. В углу у камина лежал тюфяк, а на нём — второе скомканное покрывало из оленьей шкуры.

Каминная полка — прогнувшаяся кедровая доска — абсолютно пуста. Стены комнаты сложены из саманного кирпича: глина, перемешанная с соломой, слегка побелённая известью. Единственная дверь ведёт на улицу. Скважина под дверной ручкой прикрыта ржавой железной пластиной.

Где я?

Я попытался вспомнить, как сюда попал, но стоило сделать мысленное усилие — и голова снова закружилась. Я заполз обратно на кровать и распластался на ней, делая вдохи-выдохи и борясь с тошнотой.

По крайней мере, тут было тепло. Я вспомнил сон о ледяной равнине и вздрогнул, натянув на себя оленью шкуру. Лишь теперь я обратил внимание на свою одежду. На мне были простая серая рубашка, бриджи и чулки. Всё незамысловатое, из некрашеной шерсти, и всё мне велико. Это не мои вещи! Откуда они взялись? Где я нахожусь?

Я опять попытался вспомнить — и мир снова закружился перед глазами. Я застонал и закрыл глаза, пережидая приступ тошноты. Некоторое время я лежал неподвижно, раскинувшись на перине. Она была мягкой — из гусиного пуха. Станный комфорт, неуместный среди прочей немудрящей обстановки. Не то чтобы я собирался жаловаться...

И кому ж ты будешь жаловаться?

Я сел на кровати. От резкого движения снова загудела голова. Последний вопрос был задан вслух.

Мужской голос, грубоватый, выдающий немолодого человека.

— Здравствуйте?..

Мой собственный голос прозвучал хрипло. Очень хотелось пить. Оглядевшись, я увидел на полу возле кровати глиняный кувшин. Скрюченными пальцами я взял его и с радостью услышал плеск. Я выдернул пробку из горлышка и уже почти коснулся губами края, когда почувствовал жуткий запах.

Я отпрянул. Кувшин выскользнул из пальцев, отскочил от перины и треснул на земляном полу. Доньшко отскочило. Из кувшина поли-

лась жижа, и комната наполнилась резкой вонью мочи. Я с содроганием смотрел на осколки. Среди них лежали горсть камешков, полдюжины гвоздей и какой-то пучок, завязанный узлом. Что-то, похожее на волосы.

Я прикрыл рукой рот, стараясь забыть о зловонии. Почему мне оставили такое питьё?..

Это не питьё.

Снова тот же голос!

— Кто вы? — сказал я.

Ответа не последовало. Я повторил вопрос... и вдруг замер, поняв: голос был прав. Глиняный кувшин, наполненный мочой, камнями, ногтями и волосами... Это не для питья, разумеется. А для...

Комната завертелась перед глазами, и на сей раз мне не удалось совладать с тошнотой. Я перегнулся через край кровати, и меня вырвало. Голова снова за ныла от боли.

Наконец мне полегчало. Задыхаясь, я распластался на перине.

Вставай, — сказал голос.

Я явственно слышал его. Он... он звучал не в комнате. Он звучал в моей голове.

У меня перехватило дыхание.

Кто вы? — мысленно спросил я.

Вставай, — повторил он.

У меня была тысяча вопросов, но голос не отвечал на них. Я подполз к краю кровати и встал. Ноги подгибались. Голова снова закружилась.

Сейчас, погодите минутку.

Я привалился к стене — шероховатой от крошащейся извести. Пальцы пронзила боль. Я посмотрел на них. Пальцы были красными и влажными, на кончиках от них отслаивалась почерневшая кожа.

— Что со мной случилось? — прошептал я.

Голос в голове заговорил мягче.

Спокойнее, мой мальчик.

Но я не мог успокоиться. Я попытался вспомнить, как попал сюда, и комната снова закружилась — ещё быстрее, чем прежде. Я старался перебороть это, старался пробудить память...

Стены начали расплываться перед глазами. Начали таять.

Я старался...

Я открыл глаза.

Балки. Я снова видел смолистые балки.

Потолок.

Я опять смотрел в потолок.

Ты потерял сознание, — сказал голос.

Я заставил себя приподняться и на сей раз не пытался ничего вспоминать. Просто сгорбился, опустив голову между колен и дожидаясь, когда утихнет головокружение.

Вот так, — сказал голос.

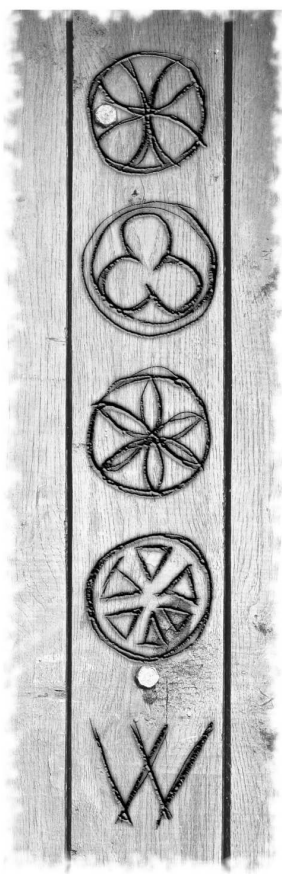
Ладно, что мне теперь делать? — спросил я.

Иди к двери.

Медленно, пошатываясь, я встал на ноги. Дотянулся до дверной ручки — но тут же отдёргнул почерневшие пальцы: ручка была словно лёд. Я чувствовал

холод, просачивающийся сквозь доски двери. Снова вернулись воспоминания о снежном кошмаре, и более всего на свете мне хотелось бежать — только вот бежать было некуда.

Я сделал глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Потом встал на колени, отодвинул железную пластину, закрывающую замочную скважину, и выглянул наружу. Снег.

Мир за дверью был засыпан снегом. Футах в тридцати виднелась линия деревьев; ветки, увенчанные белыми шапками, покачивались на ветру. Небо над головой было сплошь затянуто серыми облаками.

Я прижался глазом к скважине, пытаюсь рассмотреть хоть что-нибудь ещё. Слева виднелся угол дома. До меня донёсся запах обгоревшего дерева, но через скважину не было видно огня. Потом я понял: запах исходит не снаружи, он где-то здесь, ближе. Я отодвинулся от скважины, дожидаясь, когда перед глазами перестанут плясать белые пятна. И наконец увидел: на дверном косяке были выжжены символы. Пять штук. Четыре представляли собой круги с непонятными знаками внутри. Пятый — буква W. Или нет, погодите. Не W. Скорее... две соединённые V?

Да, — сказал голос у меня в голове.

Я знал эти символы...

Я оглянулся на разбитый кувшин, и у меня свело живот.

Да, — сказал голос. — *Кувшин и символы. Думай.*

Но от мыслей кружилась голова. Единственное, что я помнил... нет, не помнил — чувствовал, что эти символы не означают ничего хорошего. Внезапно мне отчаянно захотелось оказаться где угодно — только не здесь.

Я снова схватился за ручку, не обращая внимания на боль в пальцах, и потянул. Но дверь лишь загремела. Она была заперта.

Я в плену!